

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20200106
УДК 930(571.1/1/5)"1850/1917"

Д.А. АНАНЬЕВ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ПРИАМУРЬЯ И ПРИМОРЬЯ К РОССИИ (СЕРЕДИНА XIX в.) В ОЦЕНКАХ АНГЛО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Институт истории СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8

В настоящей статье содержится обзор основных работ англо- и немецкоязычных исследователей, писавших о присоединении Приамурья и Приморья к России в 1850-х гг.; оценивается их вклад в изучение темы. Установлено, что в своих работах западные исследователи, использовавшие теории и концепции «русской восточной экспансии», «колонизации» и «колониализма», «новой культурной истории», рассмотрели широкий круг вопросов, связанных с заявленной темой; в частности, анализировали причины, предпосылки и последствия российской экспансии на Дальнем Востоке; оценивали роль различных участников процесса. По мнению большинства западных авторов, столь обширные территориальные приобретения способствовали окончательному превращению России в тихоокеанскую державу, что усиливало международные противоречия, которые в итоге привели к Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Ключевые слова: западная историография, российский Дальний Восток, Приамурье, Приморье, Н.Н. Муравьев-Амурский, Айгунский договор 1858 г., Пекинский договор 1860 г.

D.A. ANAN'EV

THE ACCESSION OF THE AMUR AND MARITIME REGIONS TO RUSSIA (MID-XIX CENTURY) AS EVALUATED BY THE ENGLISH- AND GERMAN-LANGUAGE RESEARCHERS

Institute of History SB RAS
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The paper provides an overview of key works of English- and German-language researchers who wrote about the territorial acquisitions of Russia in the Far East in the 1850s; evaluates their contribution to the study of the topic. It is established that in the second half of the XIX – early XX century Western scholars analyzed the issues of Russia's expansion in the Far East in the context of international (above all, Russo-British) rivalry (E.G. von Ravestein, A. Krausse, C. von Zepelin). In the XX century historians-emigres significantly contributed to the study of Russian-language materials associated with the topic. In their works Western researchers used theories and concepts of «Russian eastward expansion» (F.A. Golder, R.J. Kerner, T. Lin); «colonization» and «colonialism» (Yu.N. Semyonov, J. Stephan, J. Gibson); methods of «new cultural history» (M. Bassin, C. Weiss). Diplomatic aspects of the history of Russia's expansion to the Amur region were studied by P. Tompkins, R. Quedstedt, S. Paine; military aspects – by J. Stephan, J. Grainger, A. Rath.

Investigating the reasons for which Russia entered the Amur region, historians noted the empire's constant urge to the sea (A. Krausse, T. Lin); wrote about dominant political reasons related to the imperial expansion (E.G. Ravenstein, D. Dallin, S. Paine etc.), the necessity of expanding the

---

Ананьев Денис Анатольевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: denis.ananyev@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0001-9448-8454>

Anan'ev Denis Anatolyevich — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

merchant ties (F.A. Golder, R.J. Kerner, T. Lin, M. Mancall, H. Salisbury, J. Gibson). Military and strategic reasons were described by E.G. Ravenstein, A. Krausse, J. Stephan, J. Grainger.

Historians commend the role of various participants of the “Amur venture” such as A.F. Middendorf (D. Landgraf), G.I. Nevelskoy (A.A. Lobanov-Rostovskiy), N.P. Ignatyev, A.M. Gorchakov (R. Quedstedt), however, most researchers believe that the most significant role was played by the Governor-General of Eastern Siberia, Count N.N. Muravyov-Amursky.

Evaluating consequences of acquisition of the Amur and Maritime regions provided by the Treaties of Aigun and Peking, Western authors believe that such vast territorial gains eventually helped turn Russia into a Pacific power; changed the vector of its Far Eastern policy from the North-Eastern to the South-Eastern direction. However, they also made international rivalry more acute, which finally led to the Russo-Japanese war of 1904–1905.

Keywords: Western historiography, Russian Far East, Amur Region, Maritime Region, N.N. Muravyov-Amursky, Treaty of Aigun (1858), Convention of Peking (1960).

ВВЕДЕНИЕ

В середине XIX в. живой интерес западной общественности вызвали активные действия России на Дальнем Востоке, обусловленные, в свою очередь, обострением международных противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе. По заключению А.В. Ремнева, после поражения России в Крымской войне началась новая «евразийская» фаза, включавшая мощный прорыв империи на Дальний Восток и в Центральную Азию и закончившаяся поражением в войне с Японией [1, с. 29].

В ряду событий и проблем, связанных с историей этого полувекового периода, наиболее обстоятельно зарубежными исследователями (в первую очередь представителями англо- и немецкоязычной историографии) освещалась история присоединения к России Приамурья и Приморья. Несмотря на довольно обширную литературу, посвященную данной теме, специальные историографические исследования на Западе почти не публиковались. В настоящей статье содержится обзор основных работ англо- и немецкоязычных исследователей (второй половины XIX – начала XXI в.), писавших о территориальных приобретениях России на Дальнем Востоке в 1850-х гг.; оценивается их вклад в изучение темы.

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Авторы первых специальных работ, опубликованных в Великобритании и посвященных истории освоения российского Дальнего Востока, не были профессиональными историками. В 1861 г. в Лондоне вышла в свет монография британского исследователя Эрнеста Георга Равенштейна (1834–1913) «Русские на Амуре. Его открытие, покорение и колонизация» [2]. Автор — выходец из Германии, чл.-кор. Франкфуртского географического общества и одновременно сотрудник топографического отдела британского военного министерства. По сути, его исследование явилось откликом на плодотворную деятельность графа Н.Н. Муравьева-Амурского по укреплению позиций России на Дальнем Востоке. Вместе с тем, как подчеркивал сам Э.Г. Равенштейн, его работа «написана не наспех, с целью удовлетворения запросов публики». В течение нескольких лет автор не только собирал и анализировал все доступные публикации по указанной теме (в том числе материалы, изданные в «Вест-

нике» и «Записках» Императорского Русского географического общества (ИРГО)), но и лично общался с непосредственными свидетелями событий в Приамурье и Приморье — как с иностранцами, так и русскими офицерами.

Равенштейн достаточно подробно, по годам, рассказывает об истории Амурской экспедиции и ее участниках (Г.И. Невельском, Д.И. Орлове, Н.К. Бошняке и др.); обороне Петропавловска и маневре русской эскадры в заливе Де-Кастри; подписании Айгунского, Тяньцзиньского и Пекинского договоров. Он убежден, что действия англо-французских войск в Китае чрезвычайно облегчили русским подписание Айгунского договора и избавили от необходимости прибегнуть к силе оружия. Исследователь называет маловероятными сообщения о том, что российская сторона во время переговоров требовала уступки едва ли не всей территории Маньчжурии. По его мнению, зйти так далеко русские не могли, поскольку не располагали достаточными силами для возможного военного столкновения с Цинской империей. Впрочем, с точки зрения исследователя, в 1859–1860 гг. война была бы неминуема, если бы союзники не заняли Пекин. Э.Г. Равенштейн также высказал предположение, что в будущем, когда слабеющий Китай окончательно распадется на части, Россия сможет заполучить и всю Маньчжурию. Тем самым автор довольно точно определил вектор дальневосточной политики Российской империи на несколько десятилетий вперед.

На рубеже XIX – XX в. в Великобритании издавались публицистические и исторические работы, авторы которых писали о русской экспансии и о «дальневосточном вопросе» (в дополнение к «ближневосточному» или просто «восточному»), воспринимая возвышение России в Азии как прямую угрозу британским интересам [3, р.7]. Так, известный журналист А.С. Краузе (1859 – 1904) опубликовал в 1900 г. в Лондоне книгу «Россия в Азии. Хроника и исследование (1588 – 1899)», где утверждал, что история России состояла из почти непрерывных завоеваний, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке.

По его мнению, Россия, лишившись с подписанием Нерчинского договора выхода к Тихому океану, в течение полутора веков безуспешно пыталась добиться от Китая разрешения на закрепление в устье Амура — до тех пор, пока граф Н.Н. Муравьев-Амурский «самовольно не вторгся на заветную территорию». Автор не склонен оценивать его действия лишь как наруше-

ние Нерчинского договора, поскольку генерал-губернатор Восточной Сибири взялся за обустройство региона, в котором уже де-факто проживали российские подданные. Не видя среди азиатских народов серьезного противника, способного встать на пути русской экспансии, А.С. Краузе полагал, что вопрос о влиянии в Азии фактически решался между славянами и англосаксами.

В отличие от Э.Г. Равенштейна, А. Краузе высказал убеждение, что Е.В. Путятин действительно стремился установить контроль над всей территорией Маньчжурии в обмен на содействие в подавлении восстания тайпинов. Британский исследователь не считал военную угрозу со стороны англо-французских войск решающим фактором, побудившим китайское правительство окончательно уступить России Приамурье и Приморье, и полагал, что угроза со стороны самой России имела не меньшее значение [4, р.19–20].

Если А.С. Краузе вполне искренне восторгался успехами России на пути создания «колониальной империи» в конце XIX в., то американский историк Ф.А. Голдер, наблюдавший резкие изменения в мире и в самой Российской империи в первые десятилетия XX в., был достаточно осторожен в оценках. В своей известной монографии, опубликованной в 1914 г. и посвященной истории «русской экспансии» в Тихоокеанском регионе в 1640-х — 1850-х гг [5], он утверждал, что поначалу русские не осознавали действительного значения Приамурья, поскольку их главный интерес заключался в торговле пушниной. По мнению Ф.А. Голдера, до середины XIX в. освоение Дальнего Востока было довольно хаотичным, однако в 1850-х гг. отношение русских к экспансии в Тихоокеанском регионе существенно изменилось. Отныне Россия не полагалась на одну только силу. Считая неизбежным скорый уход из Северной Америки, царское правительство сконцентрировалось на присоединении территорий, расположенных южнее Амура, в поисках незамерзающего порта. Начиная с этого времени дальневосточная политика империи отличалась прозорливостью, а на местах ее проводили в жизнь наиболее способные государственные деятели.

По словам Ф.А. Голдера, «своими успехами в Приамурье Россия в значительной мере была обязана великому государственному деятелю Н.Н. Муравьеву-Амурскому» [5, р. 263]. Именно он взялся за решение задачи распространения влияния России в Тихоокеанском регионе. Показательно, что сведения, полученные в ходе экспедиции Г.И. Невельского, держались властями в строгом секрете, чтобы не вызывать обеспокоенность Цинской империи и враждебность со стороны других стран, в первую очередь Англии.

В отличие от Ф.А. Голдера, основатель Калифорнийской исторической школы Р.Дж. Кернер полагал, что ценность Приамурья с самого начала осознавали как в Пекине, так и в Москве, поскольку с подписанием Нерчинского договора в конце XVII в. русские лишились не только продовольственной базы, но и возможности установления прочных торговых связей

с Китаем и Японией [6]. В начале 1930-х гг. ученик Р.Дж. Кернера и участник организованного им семинара по истории Северо-Восточной Азии Тун-чи Лин по совету своего учителя приступил к работе над многотомным трудом по истории приграничных территорий Китая после Опиумной войны 1840 г. В 1934 г. Тун-чи Лин опубликовал статью, в которой рассмотрел историю решения «амурского вопроса» в 1850-х гг. [7]. Автор опирался на работы китайских и японских историков, официальные китайские издания, содержавшие тексты дипломатических документов, а также труды западных исследователей.

По заключению Тун-чи Лина, увеличение числа русских поселений на Камчатке, развитие торговли пушниной в Русской Америке, частое появление иностранных китобоев в Охотском и Беринговом морях заставили российские власти задуматься об упрочении своего положения в Тихоокеанском регионе и, в частности, искать удобную транспортную артерию, соединяющую Сибирь и Дальний Восток. Амур представлялся оптимальным водным путем, ведущим из Забайкалья к Тихому океану.

Тун-чи Лин признает, что за время, прошедшее после заключения Нерчинского договора, Китай не колонизовал Приамурье, поскольку родовые владения императорской династии должны были оставаться нетронутыми и незаселенными, а добыча женьшеня и пушнины в регионе являлась монополией императорского дома.

Политику Российской империи в Северной Маньчжурии историк характеризует как довольно агрессивную, а ее успешность объясняет крайне неблагоприятным для цинского правительства стечением обстоятельств, прежде всего, восстанием тайпинов и вторжением англо-французских войск во время Второй Опиумной войны. Исследователь отмечает заслуги Г.И. Невельского, Е.В. Путятина, Н.П. Игнатьева в «амурской эпопее», но главным ее героем называет Н.Н. Муравьева, который в течение нескольких лет готовился к тому, чтобы «защищать Камчатку, используя Амур». Начавшаяся Крымская война, по словам Тун-чи Лина, «развязала руки» генерал-губернатору Восточной Сибири, который теперь мог не принимать во внимание все, что выходило за рамки «военных нужд».

Автор описывает отчаянные попытки цинских властей противостоять натиску северного соседа, дезавуировать Айгунский договор или его отдельные положения. Тун-чи Лин доказывает, что с самого начала китайское правительство давало свое согласие только на уступку свободных (еще не заселенных) территорий на левом берегу Амура — на участке от устья р. Аргуни до устья р. Сунгари. Из китайского текста Айгунского договора явствует, что совместное владение Китаем и Россией предусматривалось только для правого берега Амура от устья р. Уссури до моря, тогда как российская сторона распространила действие этого положения на весь Уссурийский край. Когда стало известно, что русские строят дома и дороги по обоим берегам Уссури, Пекин потребовал от местных властей оказы-

вать «жесткое сопротивление», однако реализовать это требование было невозможно вследствие явного военного превосходства России.

В 1920 – 1940-х гг. проблемы истории присоединения Приамурья и Приморья анализировали в своих публикациях русские исследователи-эмигранты — А.А. Лобанов-Ростовский [8], М.Н. Павловский [9], В.А. Яхонтов [10], И.И. Гапанович [11, 12], Д.Ю. Далин (Д. Даллин) [13]. В отличие от западных исследователей, полагавших, что во взаимоотношениях с соседями (в том числе в Азии) Россия предпочитала полагаться на силу оружия, А.А. Лобанов-Ростовский и М.Н. Павловский утверждали, что до конца XIX в. Россия и Китай поддерживали преимущественно дружественные отношения, основанные на взаимном уважении, а события 1850-х гг. следует считать редким исключением.

Примечательно, что главным героем «амурской эпопеи» А.А. Лобанов-Ростовский называл Г.И. Невельского, в то время как Н.Н. Муравьев-Амурский, по его мнению, лишь дальновидно поддержал инициативу своего подчиненного. Историк также настаивал на том, что вопреки распространённым в англоязычной историографии представлениям суверенные права Китая на эти почти незаселённые территории были лишь номинальными. В свою очередь, В.А. Яхонтов и Д.Ю. Далин утверждали, что дальневосточная политика России носила империалистический характер, а противоречия между Россией и Китаем разрешались отнюдь не на равноправной основе.

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI в.

В работах американских исследователей, опубликованных в послевоенный период и посвященных истории международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как правило, воспроизводился традиционный тезис об агрессивной политике, проводившейся Россией на Дальнем Востоке в середине XIX в. [14, 15, 16]. Так, Паулина Томпкинс считала решающим фактором, обусловившим территориальные уступки со стороны Китая, военное превосходство России [14]. На это же указывал в своей монографии «Война между Россией и Китаем» американский журналист Г. Сэлисбери, усматривавший в продвижении России в Приамурье реванш за вынужденный уход из региона в конце XVII в. [15].

Более сдержанную позицию занял американский историк Марк Мэнколл. Вслед за Р.Дж. Кернером он признавал большое значение торговых интересов России на Дальнем Востоке, полагая при этом, что Нерчинский договор вполне устраивал обе стороны и не должен рассматриваться как исключительная победа Китая. По мнению историка, следует учитывать, что продолжительные и сравнительно мирные по своему характеру русско-китайские отношения, складывавшиеся на протяжении полутора столетий, повлияли на восприятие России в самом Китае. Цинское правитель-

ство привыкло считать Россию более слабой страной, даже в конце 1850-х гг. отношение к ее действиям разительно отличалось от восприятия действий англичан и французов [17].

«Главным архитектором» оборонной стратегии России на Дальнем Востоке назвал Н.Н. Муравьева-Амурского в одной из своих ранних публикаций известный американский историк Дж. Стефан [18]. Он признавал, что первоначально планы Н.Н. Муравьева относительно закрепления в Приамурье были холодно встречены в Санкт-Петербурге, однако история Петропавловской обороны доказала правоту Н.Н. Муравьева и продемонстрировала стратегическое значение обладания устьем Амура для коммуникаций с Камчаткой и обороны Восточной Сибири.

В монографии по истории российского Дальнего Востока, опубликованной в 1994 г. [19], Дж. Стефан в меньшей степени акцентировал внимание на событиях Крымской войны, заметив, что Санкт-Петербург проявил интерес к Дальнему Востоку значительно раньше — в середине 1840-х гг. — после Первой Опиумной войны. Дж. Стефан показал, что присоединение Приамурья и Приморья стало возможным благодаря усилиям не только генерал-губернатора Восточной Сибири, но и ряда энергичных и инициативных деятелей, его предшественников и соратников, в том числе А.фон Миддендорфа, Г.И. Невельского (и других участников Амурской экспедиции), Е.В. Путятина, Н.П. Игнатьева.

Успешной реализации экспансионистских планов Н.Н. Муравьева способствовали не только активность англичан и французов, но и бездействие цинского правительства. Анализируя ход русско-китайских переговоров, Дж. Стефан указывает на невнимание китайской стороны к смысловым нюансам в тексте договоров. Так, под неразграниченными территориями цинское правительство подразумевало участки территории, непосредственно прилегавшие к рекам и Татарскому проливу, тогда как в русскоязычном варианте это можно было интерпретировать как всю территорию между Уссури и Японским морем, чем и не преминул воспользоваться Н.Н. Муравьев-Амурский. Дж. Стефан резюмирует, что процесс «поглощения» России Приамурья и Приморья явился результатом «захватнических действий, дипломатии и везения».

В 1968 г. британская исследовательница Розмари Квестид опубликовала монографию, в которой впервые в англоязычной историографии подробно осветила историю подписания Айгунского и Пекинского договоров [20]. Не имея свободного доступа к советским архивам, автор активно использовала документальные источники, хранящиеся в США, Великобритании, Франции. Она изучала автобиографии, мемуары, дневники зарубежных дипломатов и торговых представителей, рассматривая повествовательные источники как важное дополнение к официальным российским и китайским документам.

Присоединяясь к мнению большинства китайских историков, Р. Квестид резюмировала, что уступка При-

амурья и Приморья явилась одной из наиболее драматичных страниц в истории Китая в период его ослабления. Для России следствием этого приобретения стало превращение ее в тихоокеанскую державу, а дальнейшее ее участие в маньчжурских делах и в войне с Японией повлияло на внутривосточную ситуацию в империи и развитие революционных событий.

Подробно описывая историю дипломатических миссий Е.В. Путятина и Н.П. Игнатьева, подготовку и подписание Айгунского, Тяньцзиньского и Пекинского договоров в 1858–1860 гг., исследовательница объясняет успехи российской дипломатии не столько прозорливостью и мудростью Н.Н. Муравьева-Амурского [21], сколько эффективностью внешней политики, проводимой в тот исторический период канцлером А.М. Горчаковым и главой Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевским. Р. Квестид также отметила большую роль сотрудников Российской духовной миссии в Китае (в частности, архимандрита Палладия и А. Татаринова) [22]. Британская исследовательница признала, что Англия и Франция своими действиями невольно помогли России, и хотя европейские державы впоследствии осознали, что именно России достанется «львиная доля» территориальных приобретений в Китае, оказать противодействие политике Петербурга на Дальнем Востоке им не удалось.

В более поздней работе Р. Квестид проанализировала документы из тайваньских архивов, опубликованные специалистами из Академии Синика (Тайбэй) [23]. По ее мнению, эти источники не меняют картину русско-китайских переговоров радикально, но содержат важную информацию. Так, дипломатическая переписка между российским правительством и Лифаньюанем показывает, что Е.В. Путятин действовал в нарушение инструкций, данных ему в Санкт-Петербурге, когда провел секретные переговоры в Тяньцзине по вопросу об амурской и уссурийской границах, поскольку вся полнота ответственности за переговоры о границах была возложена исключительно на генерал-губернатора Восточной Сибири.

Особого внимания исследовательницы заслужило послание, переданное в ноябре 1858 г. Н.Н. Муравьевым китайскому императору через амбана Урги и содержавшее, в частности, предложение в случае оккупации Китая англичанами «взять под защиту народы Монголии и Маньчжурии и позволить им продолжать жить так, как они жили ранее». По мнению Р. Квестид, данный источник отчасти подтверждает правоту тех современников описываемых событий, кто предполагал, что Россия намеревалась взять под свой контроль всю территорию Маньчжурии.

Р. Квестид не удалось обнаружить признаков существования в Китае «пророссийской партии». По ее заключению, лишь некоторые представители правящих кругов Дайцинского государства периодически высказывались в пользу «умиротворения» России. Вместе с тем документы из тайваньских архивов позволили сделать вывод о существовании антироссийской группировки, в которую входили маньчжурские

аристократы и сановники. Р. Квестид цитирует письмо одного из них, где говорится о «ненасытности русских варваров»; о невозможности описать меру опасности, которую они представляют для Китая и о необходимости «использовать яд против яда», разрешив китайским крестьянам переселяться в Маньчжурию и предоставив колонистам право самим организовать оборону заселенных ими территорий.

В 1960 – 1980-х гг. историей освоения русскими Приамурья и Приморья продолжали интересоваться представители Калифорнийской школы. Так, в работах канадского историка Дж. Гибсона развивался тезис Р.Дж. Кернера об «амурском вопросе» как «ключе к объяснению русской экспансии на Дальнем Востоке и в Америке» [24, 25]. В 1980 – 1990-х гг. выпускник Университета Беркли Марк Бассин опубликовал серию статей и монографию [26], в которых исследовал социокультурные процессы, определившие характер и ход дальневосточной колонизации в середине XIX в. Своей главной целью автор считал реконструкцию того образа Дальнего Востока, который существовал в восприятии русских; изучение их представлений о географии региона в рассматриваемый исторический период. По замыслу автора, все это должно было способствовать более глубокому пониманию культуры и образа мыслей отдельных людей, социальных групп и всего общества.

Исследования М. Бассина оказались во многом созвучны тенденциям развития исторической науки последней трети XX в., связанным с «культурным» или «антропологическим поворотом», проблематикой «воображаемой географии» и «ментальных карт». По его мнению, исследуя, каким образом тот или иной социум воспринимает, оценивает и обозначает чужое пространство, мы начинаем лучше понимать, как этот социум воспринимает и оценивает себя.

М. Бассин выделил две доминирующие тенденции развития общественной мысли и культуры России в середине XIX в. С одной стороны, происходило стремительное укрепление националистических настроений, а с другой — расширение еще более мощного и всеохватывающего оппозиционного течения, противостоявшего режиму Николая I. Под воздействием этих факторов формировались и представления русских о Дальнем Востоке. В частности, обеспечение безопасного и надежного выхода в Тихий океан в восприятии современников должно было способствовать возрождению России.

Впрочем, вскоре стало ясно, что Амур — не самая надежная водная артерия. Далее начался поиск на географических картах точного места, которое олицетворяло бы для России ценность территориальных приобретений на дальневосточных рубежах. И вновь поначалу это была сама река Амур, затем взор русских устремился к более южным территориям — к берегам Татарского пролива или же внутренним районам Маньчжурии. Сама же необходимость выбора между этими двумя вариантами вызвала споры о будущем России как морской или континентальной державы.

В 1990-х гг. наряду с исследованиями М. Бассина, отмеченными во многом новаторским подходом к изучению истории дальневосточной колонизации, в ряде работ (например, в монографиях У.Б. Линкольна [27], С. Пэйн [28], Дж.Л. Эванса [29]) воспроизводились вполне традиционные выводы и оценки. Так, американская исследовательница С. Пэйн, анализирувшая эволюцию «российского империализма и китайской гегемонии» в середине XIX в., пришла к выводу о том, что обе империи изначально неверно оценивали собственные интересы, сильные и слабые стороны. Стремясь к мирному сосуществованию и успешному развитию, ни Россия, ни Китай в итоге не достигли желаемого [30]. Впрочем, как справедливо заметила в своей рецензии Дж. Уилсон, предсказание С. Пэйн о том, что российско-китайская граница всегда будет предметом столкновений между странами, не сбывается, хотя демографические процессы в России, Китае и Корее со временем могут привести к определенным подвижкам в этом регионе [31].

В контексте событий Крымской войны анализирует дальневосточную политику России современный английский историк Дж. Грейнджер [32]. Историк называет Н.Н. Муравьева-Амурского «империалистом», стремившимся к расширению влияния России любыми методами, а его риторику, обосновывавшую «возвращение» Приамурья как региона, некогда «принадлежавшего» России, сравнивает с риторикой, характерной для его современника – американского президента Дж. Полка, осуществлявшего экспансию в Орегон и Техас. Схему, изложенную в работе Дж. Д. Грейнджера, в общих чертах повторяет канадский историк А. Рат (университет Макгилла) в своей монографии, анализирующей ход и итоги Крымской войны в глобальной перспективе [33].

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

К изучению истории присоединения к России Приамурья и Приморья обращались и немецкие исследователи, которые, как замечает С. Коткин, уделяли повышенное внимание азиатским владениям России еще со времен академических экспедиций XVIII в. По наблюдениям американского историка, на рубеже XIX – XX вв. немецкие авторы анализировали перспективы российского присутствия в Азии во многом по той же причине, что и британцы, учитывая амбициозные планы Германии в Китае. Так, в начале XX в. о преобладании политических целей имперской экспансии России на Дальнем Востоке писал К. фон Цепелин (1841 – 1913). В работе «Дальний Восток, его история, его развитие в Новейшее время ...» автор изложил историю попыток России присоединить Приамурье [34, С. 6 – 10]. Вслед за А. Краузе, К. фон Цепелин разделял взгляд на Нерчинский договор 1869 г. как дипломатическую неудачу России. Соответственно Айгунский и Пекинский договоры, как и деятельность Н.Н. Муравьева-Амурского в 1850-х гг., обеспечившая установление контроля над При-

амурьем, расценивались как безусловный успех дальневосточной политики России.

В монографии Ю.Н. Семенова (выходца из России, выпускника Московского университета), опубликованной в 1937 г. в Берлине и познакомившей западных читателей в научно-популярной форме с историей присоединения и освоения русскими Сибири и Дальнего Востока, один из разделов посвящен описанию «амурской эпопеи» [35]. Анализируя ход переговоров, завершившихся подписанием Айгунского договора, автор поддержал выводы тех историков, кто объяснял успехи России ее военным превосходством.

Точку зрения Ю.Н. Семенова во многом разделял западногерманский историк Д. Ландграф. В 1989 г. он защитил диссертацию, в которой анализировал ход и итоги русской колонизации Приамурья, Приморья и Сахалина во второй половине XIX – начале XX в. [36] Основное внимание автор уделяет событиям конца 1840-х – начала 1860-х гг. Немецкий историк не ссылается на работу Тун-чи Лина, но также приходит к выводу о том, что участники переговоров в Айгуне столкнулись с трудностями языкового перевода, поскольку использовали сразу три языка (русский, маньчжурский и китайский) и в дальнейшем по-разному интерпретировали ключевые положения, зафиксированные в русском и маньчжурском текстах договора. По заключению Д. Ландграфа, подписавший договор цинский сановник И Шань в действительности не намеревался уступать России левый берег Амура и не соглашался на русско-китайский кондоминиум (совместное владение) в Уссурийском крае, рассчитывая, что до ратификации договора Цинское правительство сумеет отразить и натиск России, и наступление англо-французских войск.

Теоретический и методологический инструментарий «новой культурной истории» применяет в своих исследованиях выпускница Гамбургского университета Клаудиа Вайсс [37], которая в 2006 г. защитила диссертацию (а годом позже опубликовала монографию [38]), посвященную проблеме «ментальной интеграции» Сибири и Дальнего Востока в общеимперское культурное пространство в XIX в. В процессе работы над диссертацией К. Вайсс опиралась на материалы из российских архивов (РГИА, ГАИО, Научного архива Русского географического общества), а также на результаты, полученные современными российскими исследователями (Н.П. Матхановой [39], Л.М. Дамешко [40], М.В. Кузнецовой [41], Т. Н. Оглезневой [42] и др.).

Значительное внимание в книге уделено истории присоединения Приамурья. По словам К. Вайсс, для того чтобы прочно обосноваться в регионе, необходимо было основательно его исследовать. Именно по этой причине Н.Н. Муравьев откликнулся на предложение своего родственника М.Н. Муравьева, ставшего вице-президентом ИРГО, содействовать научному освоению Сибири. Первым и решительным шагом на этом пути К. Вайсс называет учреждение Сибирского отдела ИРГО, в деятельности которого проявилось плодотворное «сотрудничество политики и науки». По

мнению исследовательницы, научная и общественная деятельность ИРГО с самого начала служила не националистическим настроениям русской элиты, а имперским целям Российского государства, способствуя его территориальной и военной экспансии (с соответствующим научным подкреплением).

Выводы, изложенные в работах М. Бассина, К. Вайсс, Н.П. Матхановой, А.В. Ремнева, поддержал современный немецкий историк Д. Дальман – автор известного обобщающего труда по истории Сибири. Он указал на значение Амура для развития торговли и решения военно-стратегических задач, подчеркнул роль в присоединении Приамурья Н.Н. Муравьева, являвшегося «представителем новых сил», которые пришли в Сибирь в середине XIX в. [43].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, теме присоединения Приамурья и Приморья к России посвящена довольно обширная англо- и немецкоязычная историография, в развитии которой, несмотря на разнообразие подходов и концепций, можно усмотреть некоторые общие тенденции. Во второй половине XIX – начале XX в. как британские, так и немецкие авторы, зачастую не являвшиеся профессиональными историками, рассматривали данную тему в контексте международного (прежде всего, российско-британского) соперничества (Э. Равенштейн, А. Краузе, К. фон Цепелин). В своих работах они обозначили основные проблемы, к которым западные исследователи темы (например, С. Пэйн, Дж. Грейнджер) обращались и в дальнейшем: экспансионистские устремления России и других колониальных держав на Дальнем Востоке; проблемы управления дальневосточными территориями России и перспективы их хозяйственного освоения.

С 1930-х гг. под влиянием историков Калифорнийской школы американские и канадские исследователи (Р. Кернер, Тун-чи Лин, М. Мэнколл, Г. Сэлисбери, Дж. Гибсон) уделяли особое внимание социально-экономическим факторам, обусловившим присоединение и освоение русскими дальневосточных территорий. На рубеже XX – XXI в. американские и немецкие историки (М. Бассин, К. Вайсс) использовали методы «новой культурной истории», изучая проблемы «ментального картографирования», «ментальной интеграции» региона в общеперское пространство, развития националистической и имперской идеологий.

В своих работах западные исследователи рассмотрели широкий круг вопросов, связанных с историей присоединения к России Приамурья и Приморья. Выясняя причины продвижения русских на Амур, историки указывали на постоянное стремление России получить выход к морю, в данном случае – найти удобную транспортную артерию, соединяющую Сибирь с тихоокеанским побережьем (А. Краузе, Тун-чи Лин). Многие авторы писали о преобладании причин политического характера, связанных с процессами имперской экспансии, упрочением позиций России на Дальнем

Востоке (Э.Г. Равенштейн, Д. Даллин, С.Пэйн и др.). О необходимости расширения торговых отношений и в целом о причинах экономического характера, вызванных с задачами колонизации региона, писали Ф.А. Голдер, Р. Дж. Кернер, Тун-чи Лин, М. Мэнколл, Г. Сэлисбери, Дж. Гибсон. Военно-стратегическими соображениями объясняли присоединение Приамурья Э. Равенштейн, А. Краузе, Дж. Стефан, Дж. Грейнджер, А. Рат.

В англо- и немецкоязычной историографии высоко оценивается роль различных участников «амурской эпопеи»: А.Ф. Миддендорфа (Д. Ландграф), Г.И. Невельского, Н.П. Игнатьева и даже канцлера А.М. Горчакова (Р. Квестид), но для абсолютного большинства западных исследователей очевидно, что выдающуюся роль, при всех его противоречивых личных качествах, сыграл генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский. Оценивая последствия закрепления за Россией Приамурья и Приморья, западные авторы полагают, что столь обширные территориальные приобретения окончательно превратили Россию в тихоокеанскую державу, обусловили смену вектора ее дальневосточной политики – с северо-восточного на юго-восточное направление, способствовали дальнейшему обострению международных противоречий, которое в итоге привело к Русско-японской войне 1904 – 1905 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 552 с.
2. *Ravenstein E.* Russians on the Amur: its Discovery, Conquest and Colonization. London: Truebner and Co., 1861. 496 p.
3. *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East / Ed. by Stephen Kotkin and David Wolff.* N.Y.: M.E.Sharpe, Inc., 1995. 355 p.
4. *Krausse A.* Russia in Asia: A Record and a Study, 1588–1899. L.: G.Richards, 1899. 476 p.
5. *Golder F.A.* Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions. Cleveland: Kessinger Publishing, LLC, 1914. 384 p.
6. *Kerner R.J.* Russian Expansion to America: Its Bibliographical Foundations // *The Papers of the Bibliographical Society of America.* New York, 1931. Vol.25. P.111–129.
7. *Lin T.C.* The Amur Frontier Question Between China and Russia, 1850–1860 // *Pacific Historical Review.* 1934. Vol. 3, N 1. P. 1–27.
8. *Lobanov-Rostovsky A.* Russian Imperialism in Asia: its Origin, Evolution and Character // *Slavonic and East European Review.* 1929–1930. Vol. 8. P.28–47.
9. *Pavlovsky M.N.* Chinese-Russian Relations. N.Y.: Philosophical Library, 1949. 194 p.
10. *Yakhontoff V.A.* Russia and the Soviet Union in the Far East. N.Y.: Coward-McCann, Inc., 1931. 454 p.
11. *Ковалев М.* От Петербурга до Канберры: жизнь и научные труды профессора И.И. Гапановича // *Acta Slavica Iaponica.* Vol. 34. P.69–93.
12. *Gapanovich J.J.* Russian Expansion on the Amur // *China Journal.* 1931 (October). Vol. XV, N 4. P. 173–182.
13. *Dallin D.J.* The Rise of Russia in Asia. New Haven: Yale University Press, 1949. 308 p.

14. *Tompkins P.* The American-Russian Relations in the Far East. New York: The Macmillan Company, 1949. 426 p.
15. *Salisbury H.* War Between Russia and China. N.Y., 1969. 240 p.
16. *Clubb E.* China & Russia: The "Great Game". N.Y.: Columbia University Press, 1971. 578 p.
17. *Mancall M.* Major-General Ignatiev's Mission to Peking, 1859–60 // *Papers on China*. 1956. N 10. P. 55 – 96.
18. *Stephan J.J.* The Crimean War in the Far East // *Modern Asian Studies*. 1969. Vol.3, N 3. P. 257 – 277.
19. *Stephan J.J.* The Russian Far East: a History. Stanford, 1994. 482 p.
20. *Qvested R.K.I.* The Expansion of Russia in East Asia, 1857 – 1860. Kuala Lumpur: The University of Malaya Press: 1968. 339 p.
21. *Nish I.H.* Rec.ad op.: Qvested R.K.I. The Expansion of Russia in East Asia, 1857–1860. Kuala Lumpur: University of Malaya Press, 1968 // *The Slavonic and East European Review*. Vol.48, N.113 (Oct., 1970). P.609–611.
22. *White J.A.* Rec. ad op.: R.K.I. Qvested. The Expansion of Russia in East Asia, 1857–1860. (N.Y.: Oxford University Press, 1968) // *The Journal of Asian Studies*. 1969 (November). Vol. 29. P. 164–165.
23. *Qvested R.K.I.* Further Light on the Expansion of Russia in East Asia: 1792–1860 // *The Journal of Asian Studies*. 1970. Vol. 29, N 2. P. 327–345.
24. *Gibson J.* Russia on the Pacific: the Role of the Amur // *Canadian Geographer*. 1968. Vol. XVII. N 1, P.15–27.
25. *Gibson J.* The Significance of Siberia to Tsarist Russia // *Canadian Slavonic Papers*, 1972. Vol. 14, N 3. P. 442 – 453.
26. *Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840 – 1865. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 329 p.
27. *Lincoln W.B.* The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. L., 1994. P.190 – 195.
28. *Paine S.C.M.* Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier. Armonk, N.Y.: M.E.Sharpe, 1996.
29. *Evans J.L.* Russian Expansion on the Amur, 1848 – 1860. The Push to the Pacific. Studies in Russian History. Queenston, Lampeter: The Edwin Mellen Press Lewiston 1999. Vol.1. 245 p.
30. *Foust C.M.* Rec. ad op.: Paine S.C.M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier. Armonk, N.Y.: M.E.Sharpe. 1996. 417 p. // *The American Historical Review*. Vol.103, N.3 (June, 1998). P. 942.
31. *Wilson J.L.* Rec. ad op.: Paine S.C.M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe. 1996. 417 p. // *China Review International*. Vol.6, N.1 (Spring, 1999). P.223–226.
32. *Grainger J.D.* The First Pacific War: Britain and Russia, 1854–1856. Woodbridge, UK: Boydell Press, 2008.
33. *Rath A.C.* The Crimean war in imperial context, 1854–1856. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2015. 301 p.
34. *Zepelin von, C.* Der Ferne Osten, seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit, seine Lage nach dem Russisch-Japanischen Kriege. II. Teil. Der russische Ferne Osten und seine Besiedlung. Der Amur innerhalb der russischen Grenzen. Die Amurbahn, Schilderung des Amurgebietes. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1909. 183 S.
35. *Semjonow Y.* Die Eroberung Sibiriens, Ein Epos menschlicher Leidenschaften, Der Roman eines Landes. Berlin, 1937. 390 S.
36. *Landgraf D.* Amur, Ussuri, Sachalin: 1847 – 1917. Neuried, 1989. 956 S.
37. Weiss C. Nash: Appropriating Siberia for the Russian Empire // *Sibirica*, Vol. 5, N 1, (Spring 2006). P. 141–155.
38. *Weiss C.* Wie Sibirien unser wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und Ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19. Jahrhundert. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2007. 261 S.
39. *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. В.Я.Руперт, Н.Н.Муравьев-Амурский, М.С.Корсаков. Новосибирск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. 428 с.
40. *Дамешек Л.М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири. XIX – начало XX века. Иркутск: Изд-во СО РАН, 1986. 164 с.
41. *Кузнецова М.В.* Сибирский отдел Русского географического общества: первое 10-летие деятельности // Сибирский архив. Иркутск, 2003. Вып.3. С.61–66.
42. *Оглезнева Т.Н.* Русское географическое общество. Изучение народов северо-востока Азии, 1845 – 1917 гг. Новосибирск: Наука, 1994. 174 с.
43. *Дальман Д.* Сибирь с XVI в. и до настоящего времени. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 559 с.

REFERENCES

1. *Remnev A.V.* Russia of the Far East. Imperial Geography of Power of the XIX – Early XX Century. Omsk, izd-vo OmGU, 2004, 552 p. (In Russ.)
2. *Ravenstein E.* Russians on the Amur: its Discovery, Conquer and Colonization. L.: Truebner and Co., 1861, 496 p.
3. *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East.* Ed. by Stephen Kotkin and David Wolff. N.Y, M.E. Sharpe, Inc., 1995, 355 p.
4. *Krausse A.* Russia in Asia: A Record and a Study, 1588 – 1899. L., G. Richards, 1899, 476 p.
5. *Golder F.A.* Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions. Cleveland, Kessinger Publishing, LLC, 1914, 384 p.
6. *Kerner R.J.* Russian Expansion to America: Its Bibliographical Foundations. *The Papers of the Bibliographical Society of America*. 1931. N.Y., 1931, vol.25, pp.111–129.
7. *Lin T.C.* The Amur Frontier Question Between China and Russia, 1850–1860. *Pacific Historical Review*. 1934, vol. 3, no 1. pp. 1–27.
8. *Lobanov-Rostovsky A.* Russian Imperialism in Asia: its Origin, Evolution and Character. *Slavonic and East European Review*. 1929–1930, vol. 8, pp.28–47.
9. *Pavlovsky M.N.* Chinese-Russian Relations. N.Y.: Philosophical Library, 1949, 194 p.
10. *Yakhontoff V.A.* Russia and the Soviet Union in the Far East. N.Y., Coward-McCann, Inc., 1931, 454 p.
11. *Kovalev M.V.* From Petersburg to Canberra: life and scientific works of Professor I.I. Gapanovich. *Acta Slavica Iaponica*. 2014, vol. 34. pp. 69–93. (In Russ.)
12. *Gapanovich J.J.* Russian Expansion on the Amur. *China Journal*. 1931 (October), vol. XV, no 4. pp. 173–182.
13. *Dallin D.J.* The Rise of Russia in Asia. New Haven, Yale University Press, 1949, 308 p.
14. *Tompkins P.* The American-Russian Relations in the Far East. N.Y., The Macmillan Company, 1949, 426 p.
15. *Salisbury H.* War Between Russia and China. N.Y., 1969, 240 p.
16. *Clubb E.* China & Russia: The "Great Game". N. Y., Columbia University Press, 1971, 578 p.
17. *Mancall M.* Major-General Ignatiev's Mission to Peking, 1859–1860. *Papers on China*. 1956, no 10, pp. 55–96.
18. *Stephan J.J.* The Crimean War in the Far East. *Modern Asian Studies*. 1969, vol.3, no.3, pp. 257–277.
19. *Stephan J.J.* The Russian Far East: a History. Stanford, 1994, 482 p.
20. *Qvested R.K.I.* The Expansion of Russia in East Asia, 1857 – 1860. Kuala Lumpur, The University of Malaya Press, 1968, 339 p.
21. *Nish I.H.* Rec.ad op.: Qvested R.K.I. The Expansion of Russia in East Asia, 1857–1860. Kuala Lumpur, University of Malaya Press, 1968. *The Slavonic and East European Review*. Vol.48, no.113 (Oct., 1970), pp.609–611.
22. *White J.A.* Rec. ad op.: R.K.I. Qvested. The Expansion of Russia in East Asia, 1857–1860. (New York, Oxford University Press, 1968). *The Journal of Asian Studies*. 1969 (November), vol. 29. pp. 164–165.

23. *Questa R.K.I.* Further Light on the Expansion of Russia in East Asia: 1792 – 1860. *The Journal of Asian Studies*. 1970. vol. 29, no. 2, pp. 327–345.
24. *Gibson J.* Russia on the Pacific: the Role of the Amur. *Canadian Geographer*. 1968, vol. XVII. no 1, pp.15–27.
25. *Gibson J.* The Significance of Siberia to Tsarist Russia. *Canadian Slavonic Papers*, 1972, vol. 14. no 3. pp. 442- 453.
26. *Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840 – 1865. New York and Cambridge, Cambridge University Press, 1999, 329 p.
27. *Lincoln W.B.* The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. London, 1994, pp.190–195.
28. *Paine S.C.M.* Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier. Armonk, N.Y., M.E. Sharpe, 1996.
29. *Evans J.L.* Russian Expansion on the Amur, 1848 – 1860. The Push to the Pacific. Studies in Russian History. Vol.1. The Edwin Mellen Press Lewiston, Queenston, Lampeter, 1999, 245 p.
30. *Foust C.M.* Rec. ad op.: Paine S.C.M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier. Armonk, N.Y.: M.E.Sharpe. 1996. 417 p. *The American Historical Review*. (June, 1998). vol.103, no 3, 942 p.
31. *Wilson J.L.* Rec. ad op.: Paine S.C.M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe. 1996. 417 p. *China Review International*. (Spring, 1999), vol.6, no.1, pp. 223–226.
32. *Grainger J.D.* The First Pacific War: Britain and Russia, 1854–1856. Woodbridge, UK, Boydell Press, 2008.
33. *Rath A.C.* The Crimean war in imperial context, 1854–1856. New York: Palgrave MacMillan, 2015, 301 p.
34. *Zepelin von, C.* The Far East, its history, its development during the Modern Age, its situation after the Russo-Japanese War. Part 2. The Russian Far East and its Settlement. The Amur within the Russian borders. The Amur railroad, description of the Amur region. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1909, 183 p. (In Germ.).
35. *Semjonow Y.* The Conquest of Siberia. The Epos of Human Passions. The Novel of a Land. Berlin, 1937, 390 p.
36. *Landgraf D.* Amur, Ussuri, Sachalin: 1847–1917. Neuried, 1989, 956 p. (In Germ.).
37. *Weiss C.* Nash: Appropriating Siberia for the Russian Empire. *Sibirica*, Spring 2006, vol. 5. no. 1, pp. 141–155.
38. *Weiss C.* How Siberia Became “Ours”: The Russian Geographical Society and Its Impact Upon the Images and Views of Siberia in the XIX Century. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2007, 261 p. (In Germ.)
39. *Matkhanova N.P.* Governors-General of the Eastern Siberia in the Mid-XIX Century. V.Ya. Rupert, N.N. Muravyov-Amurskiy, M.S. Korsakov. Novosibirsk, Izd-vo Irkut. Un-ta, 1998, 428 p. (In Russ.)
40. *Dameshek L.I.* Domestic policy of Tsarism and the Peoples of Siberia. XIX – Early XX Century. Irkutsk, Izd-vo Irkut. Un-ta, 1986, 164 p.
41. *Kuznetsova M.V.* Siberian Branch of the Russian Geografic Society: the first 10 years of activities. *Sibirskiy Arkhiv*. Irkutsk, 2003, issue 3. pp.61–66.
42. *Oglezneva T.N.* Russian Geographical Society. The Study of the Peoples of North-Eastern Asia, 1845 – 1917. Novosibirsk, Nauka, 1994, 174 p.
43. *Dahlmann D.* Siberia from the XVI century to the Present. Moscow: Political Encyclopedia, 2016, 559 p.

Статья поступила
в редакцию 12.01.2020
Статья принята
к публикации 23.01.2020